

Научная статья

УДК 82-95(571.1/.5):141.82(092)

<https://doi.org/10.20913/2618-7515-2024-4-45-54>

**Литературная и идеологическая рефлексия
сибирской литературы в критическом творчестве
Н. Чужака (Н. Ф. Насимовича)
в аспекте эстетики марксизма**

**Literary and Ideological Reflection of Siberian Literature
in Nikolai Chuzhak's (Nikolai F. Nasimovich's)
Literary Criticism in the Aspect of Marxist Aesthetics**

© **Макарова Елена Антониновна**

кандидат филологических наук, доцент,
Национальный исследовательский Томский госу-
дарственный университет (НИ ТГУ),
пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия
ORCID: 0000-0002-2342-1962
e-mail: elena_mak2004@mail.ru

Makarova Elena Antoninovna

Candidate of Philological Sciences,
Assistant Professor,
National Research Tomsk State University (NR TSU),
36 Lenin Av., Tomsk, 634050, Russia
ORCID: 0000-0002-2342-1962
e-mail: elena_mak2004@mail.ru

Аннотация. Критическое творчество известного публициста-марксиста Н. Чужака (Н. Ф. Насимовича; 1876–1937), на первый взгляд, уже достаточно изучено в книговедении и литературоведении. Но фрагментарность исследований и недостаточность глубокого научного осмысления специфики его критического наследия диктует необходимость привести в систему данные о его публикациях в сибирской периодике и сборниках, приходящихся на время его пребывания в Сибири и на Дальнем Востоке с 1908 по 1922 г., что и является целью статьи.

Литературная и идеологическая рефлексия по поводу истории сибирской словесности начала проявляться еще в раннем периоде сибирской ссылки Н. Чужака, когда его мировоззрение было оппозиционным по отношению к региональной критике. Но постепенное изучение и погружение в сибирский материал, попытки понимания специфики литературы далекого края начали формировать не только позицию «пришельца-чужестранца», но и «культурного посредника».

Принципиальным стало осмысление Н. Чужаком сибирской литературы в контексте марксистской теории, что наложило особый отпечаток на методологию и концептуальную составляющую его критических текстов.

Несмотря на явную тенденциозность основных положений критика, его несомненной заслугой мы видим то, что он впервые поставил вопрос о необходимости изучения сибирской словесности как феномена поэтики. Критическое творчество Н. Чужака на темы сибирской литературы, осмысленное нами в системе, представляется как своего рода метатекст,

Abstract. Nikolai Chuzhak's (N. F. Nasimovich, 1876–1937) – a famous Marxist publicist – literary criticism is, at the first glance, already studied enough by theorists in bibliography and literature. However, the fragmentary nature of researches and lack of the profound scientific comprehension of his critical heritage specifics dictates the necessity to bring into the system the data about his publications in Siberian periodicals and collections issued when he stayed in Siberia and the Far East from 1908 to 1922, that being the purpose of the article.

Chuzhak's literary and ideological reflection on the history of Siberian philology began to reveal itself in the early period of his Siberian exile, when he was in ideological opposition to local criticism. However, gradual research and immersion into the Siberian context and endeavors to understand the specificity of this faraway land literature began to form the position of not only a “stranger” but also a “cultural mediator.” It became fundamental that N. Chuzhak comprehended Siberian literature within the Marxist theory, which set an imprint on the methodology and conceptual model of his critical texts. Despite obvious tendentiousness of the main provisions, the critic's undoubted merit was, as we see it, that for the first time he raised the question about the necessity of studying Siberian literature as a phenomenon of poetics. Chuzhak's creative work as the critic of Siberian literature, comprehended on a systemic level, represents a kind of a “metatext”, revealing both the evolution and stable typological features of different periods of his literary work.

выявляющий и определенную эволюцию, и устойчивые типологические черты, характерные для разных периодов его творчества.

Ключевые слова: марксистская критика, сибирская словесность, литературно-художественные сборники

Для цитирования: Макарова Е. А. Литературная и идеологическая рефлексия сибирской литературы в критическом творчестве Н. Чужака (Н. Ф. Насимовича) в аспекте эстетики марксизма // Труды ГПНТБ СО РАН. 2024. № 4. С. 45–54. <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2024-4-45-54>

Введение

Представленное исследование, основанное на применении сравнительно-исторического метода, продиктовано необходимостью дальнейшего изучения и внедрения в научный оборот новых материалов о так называемом *сибирском тексте*. Под этим термином мы понимаем современный научный конструкт, начало которому было положено в 2002 г. статьей В. И. Тюпы «Мифологема Сибири: к вопросу о “сибирском тексте” русской литературы» [1]. Терминологическое сращение, образованное по заданной В. Н. Топоровым («петербургский текст русской литературы») модели, оказалось очень продуктивным, как и другие указатели на *региональные тексты*, что и легло в основу целого ряда наших исследований о сибирской литературе и региональном издательском процессе.

Цель исследования – привести критические тексты Н. Чужака (Н. Ф. Насимовича) о сибирской литературе в систему и показать процесс эволюции и трансформации его взглядов, выделив особые типологические черты, характерные для марксистской критики.

Объектом исследования являются статьи и сборники критика о сибирской литературе, напечатанные в различных издательствах и периодических изданиях в годы ссылки в Сибири и пребывания на Дальнем Востоке с 1908 по 1922 г. *Предметом* исследования стали различные подходы и взгляды на понимание специфики сибирской словесности региональной критикой, во многом сформированной на идеях областничества, представителем центральной России, что выявило ситуацию диалога как внешнего, так и внутреннего характера.

Попытка приведения критических текстов Н. Чужака о сибирской литературе в систему, выделение их особых типологических черт и признаков эволюции предпринята впервые. Своевременность подобного изучения также связана с явной интенсификацией современных исследований сибирской литературы и процесса становления регионального самосознания в до- и постреволюционной Сибири.

Keywords: Marxist criticism, Siberian literature, literary and art anthology

Citation: Makarova E. A. Literary and Ideological Reflection of Siberian Literature in Nikolai Chuzhak's (Nikolai F. Nasimovich's) Literary Criticism in the Aspect of Marxist Aesthetics // Proceedings of SPSTL SB RAS. 2024. No. 4. P. 45–54. <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2024-4-45-54>

Подробная статья, написанная В. П. Трушкиным и Н. Н. Щербаковым, посвящена биографии и краткому обзору творчества критика, была включена в биобиблиографический справочник «Литературная Сибирь. Писатели Восточной Сибири», изданный в Иркутске в 1971 г. [2, с. 62–66]. В расширенном виде эта статья вошла в критико-библиографический словарь писателей Восточной Сибири 1986 г. [3, с. 194–198]. Эти работы и сегодня не устарели, так как отличаются высоким научно-академическим уровнем; в них впервые было показано критическое творчество Н. Чужака в его специфическом, именно сибиреведческом развороте.

В наше время в научной литературе обращение к творчеству Н. Чужака больше связано с его редакторской и издательской деятельностью на Дальнем Востоке, а также с созданием футуристической группы «Творчество», что отражено в диссертационном исследовании Е. О. Кирилловой [4] и ее обобщающей монографии [5], статье Е. А. Макаровой [6]. Новые данные о дальневосточном периоде деятельности Чужака нередко появляются и в современной периодике¹.

Исследований о творчестве Чужака в Сибири немного. Необходимо отметить статью Е. Е. Вахненко «Литературная личность А. М. Ремизова в сибирской периодической печати 1910-х гг.» [7], где речь идет о критических статьях Чужака в ранний период его пребывания в сибирской ссылке. Ранее мы показывали поэтапное развитие творчества критика в обобщающей монографии, посвященной литературно-художественным сборникам Сибири [8]. В еще одной статье «Сюжет “sibirica” в литературной и художественной трансформации», во многом являющейся продолжением указанного исследования, отражена бурная полемика внутри и вокруг областнической идеи в критике начала 1920-х гг. (в лице Д. А. Болдырева-Казарина, М. К. Азадовского) и в среде представителей

¹ См.: Барinov А. Главный большевистский журналист республики (к 100-летию Дальневосточной республики) // Забайкальский рабочий. 2021. 3 февр. (№ 5). С. 15; Катеринич В. Футуристы на Дальнем Востоке. Взгляд из начала XXI века // Словесница Искусств. 2014. № 1. С. 30–39.

футуристического направления (в лице Н. Чужака, Н. Асеева, С. Третьякова), разразившаяся после выхода читинского сборника Чужака 1922 г. «Сибирский мотив в поэзии» [9].

Особенности литературной марксистской критики

Развитие и расцвет марксистской критики в России пришлось на рубеж XIX–XX вв., и в этом русле развивалось творчество Н. Ф. Насимовича-Чужака. Поскольку истоки этого направления были заложены в революционно-демократической критике 1850–1870-х гг., к осмыслению литературного произведения эксперты подходили не столько с филологической, эстетической или философской, сколько с публицистической и подчеркнуто социологической стороны.

Основоположник марксистской критики Г. В. Плеханов выносил публицистический аспект за пределы критики. По уточнению М. В. Михайловой, «публицистичность в его интерпретации оказывается почти идентичной эмоциональности, приравнивается к тому воздействию, которое оказывает художественное произведение на души читателей» [10, с. 34]. В связи с этим рассуждения о публицистичности сменились у критиков-марксистов теорией о «классах» и «классовой психологии», и «такого рода новая методология представлялась на тот момент как последнее слово научной мысли» [10, с. 35]. Тем не менее в дальнейшем, как подчеркивает А. П. Казаркин, «утопия заместила не только религию, но и реальность. Антиподом ее оказалось не научное (нейтральное), а религиозное сознание» [11, с. 130].

Первейшим заветом критика-марксиста, согласно Плеханову, должно стать понимание того, что «искусство есть отражение общественных потребностей и вкусов», а само общество «состоит из различных классов, потребности и вкусы которых непременно должны изменяться в связи с переменами в общественных отношениях»². Но истинность критических высказываний возможна только в случае принадлежности критика к прогрессивному классу. Такой подход критик назвал *диалектическим*.

Впоследствии диалектическим назвал свой критический метод и Чужак, но он уже имел в виду «не поступательный динамизм общественного развития, а взаимообусловленность различных элементов художественного творения, выражающуюся в единстве формы и содержания» [7, с. 37]. В своей работе «К эстетике марксизма» критик, приводя слова Маркса о том, что «диалектика, в своей мистифицированной форме,

преображает и просветляет существующее», добавлял: «поэзия есть правда, но правда будущего». В итоге для него «творчество новых идеологических ценностей – вот тот единственно надежный критерий, с которым диалектик подходит к художеству». В качестве же его адресата представлялся исключительно пролетариат, находящийся «в изодневном ожидании попыток истинного выявления в искусстве лика будущего строя»³. Принципиально, что критик, начав изучать сибирскую словесность в годы ссылки, по сути, первым дал развернутую оценку творчества сибирских писателей с марксистских позиций.

Н. Чужак на путях постижения сибирской словесности в ранний период ссылки

Николай Федорович Насимович в политических и литературных кругах больше был известен под псевдонимом Н. Чужак. За свои народо-вольческие взгляды в 1902 г. он был арестован и сослан в Архангельскую область, откуда бежал в Европу. Добравшись до Женевы, он сблизился с большевиками и стал членом Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), а также активным сотрудником и редактором основного печатного органа партии «Пролетарий» и издательства «Вперед». Вернувшись в Россию после первой русской революции в 1906 г., Н. Чужак входил в редакцию газеты от РСДРП «Казарма», но за свою активную деятельность оказался в заключении в петербургской тюрьме «Кресты». Там ему был объявлен приговор об этапировании на поселение в Иркутскую область.

С 1908 г. Чужак оказался в ссылке в Сибири, где и началось его знакомство с далеким краем, уже имеющим особую историческую и литературную судьбу. До ссылки он активно работал над созданием методологии марксистской критики, в связи с чем практически все статьи, которые он анализировал, подвергались разбору исключительно в рамках этого направления. В том же русле он продолжал свою критическую деятельность и в условиях сибирской ссылки.

Прибыв сначала на поселение в Иркутскую губернию в 1908 г., Чужак почти сразу начал активную деятельность в области журналистики, сотрудничая с такими газетами и журналами, как «Восточная заря», «Молодая Сибирь», «Иркутское Слово», «Новая Сибирь», «Сибирский журнал», «Сибирский Архив», «Багульник» и др. В газете «Восточная заря», в дальнейшем переименованной в «Голос Сибири», критик вел постоянную рубрику под названием «Литературный дневник». В ней он давал оценку современной литературе

² Плеханов Г. В. Эстетика и социология искусства. В 2 т. Т. 2. Москва : Искусство, 1978. С. 384.

³ Чужак Н. Ф. К эстетике марксизма. Иркутск : Коммерч. электро-тип., 1916. С. 8, 13–14.

реалистического и модернистского направлений с позиций марксистской доктрины.

Наиболее яркие его статьи посвящены творчеству Ф. Сологуба, которого критик считал одним из ведущих современных писателей-модернистов и с которым он лично познакомился позже, в 1916 г., в Иркутске⁴. Принципиальной стала и оценка творчества А. М. Ремизова в сибирской периодике⁵. Рецензия Чужака на повесть «Неуемный бубен» была опубликована в иркутской газете «Восточная заря» в 1910 г. В ней критик, в отличие от общепринятого мнения, акцентировал внимание не на ужасах жизни городского обывателя, изображенных автором, но на богатстве его художественного языка и причудливых фантазиях. В итоге статьи Н. Чужака, по уточнению Е. Е. Вахненко, «симпатизирующего модернистам и акцентирующего внимание читателя на идее жизнестроительства в искусстве и личности художника-творца, значительно отличались от взглядов на современный литературный процесс других журналистов и критиков, сотрудничавших с иркутскими газетами» [7, с. 262–263].

Собственную мировоззренческую позицию критик выразил в уже более поздней своей статье 1923 г. «Под знаком жизнестроения (Опыт осознания искусства дня)»: «Наше русское искусство, всех видов его, от поэзии до живописи и театра, переживает сейчас необычайное какое-то переломное состояние. Это – не просто даже кризис, за которым чувствуется неизбежный расцвет. Нет, это – настоящее “быть или не быть”, только освобожденное от театральных украшений»⁶. Такое понимание искусства, несомненно, связано с принципиальной установкой Чужака, рассматривающего современные процессы в литературе «извне», с позиций человека европейского сознания, а не «изнутри», как это происходило у местных критиков, что во многом формировало ситуацию диалога между литературой региона и европейской России, в противовес преобладающей в это время тенденции областнического сепаратизма. В связи с этим все чаще критик обращается к осмыслению сибирской словесности именно с точки зрения общероссийских реалий.

⁴ См.: Чужак Н. От Передонова к творимой легенде (Ф. Сологуб «Книга очарований»). СПб., 1909 // Восточная заря. 1909. 13 сент. (№ 119). С. 2; Чужак Н. У меня хара человека («Мелкий бес» в Иркутске) // Голос Сибири. 1911. 22 февр. (№ 43); Чужак Н. На лекции Сологуба // Багульник. 1916. № 3.

⁵ См.: Чужак Н. Литературный дневник. Кошмар быта. О повести А. Ремизова «Крестовые сестры» // Голос Сибири. 1910. 25 дек. (№ 14). С. 3; Чужак Н. Неуемный бубен (повесть А. Ремизова в «Альманахе для всех») // Восточная заря. 1910. 11 июля (№ 154). С. 2.

⁶ Чужак Н. Под знаком жизнестроения (опыт осознания искусства дня) // ЛЕФ. Журнал Левого фронта искусств. 1923. № 1. С. 12.

Осмысление сибирской литературы Н. Чужаком в аспекте марксистской критики

С 1912 г. началось сотрудничество Чужака с томским журналом «Молодая Сибирь», в котором печаталось продолжение «Литературного дневника». В 1912–1914 гг. критик активно публиковался в журнале «Сибирский архив», переименованном с 1916 г. в «Сибирскую летопись». В них и многих других периодических изданиях появлялись первые статьи Чужака о сибирской литературе и творчестве местных поэтов⁷. Свое мировоззренческое кредо при осмыслении сибирской словесности и выявлении ее специфики критик выразил, по уточнению Н. Н. Щербакова, тремя принципиальными тезисами: 1) опровержением мнения, что в Сибири не было и нет настоящей литературы; 2) выдвижением непрерывного условия художественного творчества двумя неразрывными факторами – формальным (форма) и жизненно-идеальным (содержание); 3) полным отрицанием романтического метода в искусстве [12, с. 123].

С 1916 г. Чужак практически отстранился от критической работы в периодических изданиях, обратившись к написанию ряда принципиальных работ, связанных с эстетикой. Философская и мировоззренческая позиция автора, напрямую отраженная в его литературно-критическом творчестве, была подкреплена двумя важными работами, опубликованными практически одновременно в иркутских изданиях в 1916 г.: «К эстетике марксизма», «Эстетизм и эстетика».

В работе «К эстетике марксизма» автор четко определял свою позицию по отношению к так называемому *художеству*: «Творчество новых идеологических ценностей – вот тот единственно надежный критерий, с которым диалектик подходит к художеству». В соответствии с таким пониманием творчества проявляется и установка на своего читателя: «...так понятно некоторое невольное предпочтение интересующим нас

⁷ См.: Чужак Н. Каторга (популяр из песен сибирских каторжников) // Восточная заря. 1910. 23 мая (№ 116). С. 2; Чужак Н. Сибирские поэты. П. Шебеков // Восточная заря. 1910. 12 сент. (№ 205). С. 2; Чужак Н. Сибирские поэты (Ив. Тачалов) // Восточная заря. 1910. 10 окт. (№ 229). С. 2; Чужак Н. Сибирские поэты. Предисловие // Сибирский журнал для всех. 1912. № 2; Чужак Н. Сибирские поэты. Г. А. Вяткин // Сибирский журнал для всех. 1912. № 3; Чужак Н. Сибирские мотивы у И. В. Федорова-Омулевского в отношении формы и содержания // Сибирский архив. 1913. № 2. С. 61–77; Чужак Н. О сибирской и ино-сибирской интеллигенции // Сибирский архив. 1913. № 5. С. 270–275; Чужак Н. О сибирской и ино-сибирской интеллигенции // Сибирская новь. 1913. 19 мая (№ 91); Чужак Н. Сибирские поэты. П. Драверт // Сибирский архив. 1913. № 6/8. С. 332–346; Чужак Н. Сибирские беллетристы. Вл. Бахметьев // Сибирский студент. 1914. № 2. С. 123–127; Чужак Н. Ис. Гольдберг. Тунгусские рассказы // Заветы. 1914. № 7; Чужак Н. Человек страшной жизни (сибирский поэт И. Тачалов) // Сибирский архив. 1915. № 2.

классом работников <...>, так естественно это невольное тяготение к творчеству, которого представляемым марксизмом класс неустанно взыскует»⁸.

Но при этом, осмысляя состояние литературы за последнее десятилетие, критик отмечает «бесконечно грустную картину <...>, печать бессилия какого-то на всех попытках осознать грядущее». Поэтому в противовес символизму и реализму в их привычном понимании он выделяет категорию *ультра-реализма*, возвышающегося до символизма: «И это именно тот реализм, который принято именовать “суровым”, “крайним” – “ультра-реализмом” <...>, беря действительность как будто так, как она есть, художник-“ультра-реалист” пропускает ее сквозь призму “горячего сердца”»⁹. К такому методу критик относит творчество Гоголя, Салтыкова-Щедрина, позднего Л. Толстого, Решетникова, Ф. Сологуба. Но при этом неизбежным остается классовый подход в оценке искусства, так как главной функцией ультрареализма, по его убеждению, должно стать отображение ужаса *статики* рабочего.

В статье «Эстетизм и эстетика», впервые изданной в третьем номере иркутского журнала «Багульник» за 1916 г., а затем вошедшей в состав сборника 1921 г. «К диалектике искусства», Чужак гораздо полнее развивает тему «зависимости между содержанием и формой искусства», тщательно разводя понятия «эстетизм» и «эстетика». Для иллюстрации критиком выбирается гражданская поэзия Некрасова: «этого наиболее после Пушкина популярного, но и наиболее спорного поэта в отношении признания»¹⁰. Главной заслугой Некрасова критик считает тот факт, что он, подобно Пушкину, явился творцом своей собственной, неповторимой эстетики.

В связи с таким пониманием искусства закономерным представляется обращение Чужака к региональной словесности, что во многом и было продиктовано означенным стремлением выявить ультрареалистические произведения, пропущенные сквозь призму «горячего сердца» автора. В конце 1915 г., в разгар Первой мировой войны, в книгоиздательстве М. Стожа «Ирисы» Чужак издает брошюру «Сибирские поэты и их творчество»¹¹, в которой, по собственному уточнению, он поставил вопрос о марксистском изучении литературы огромного края. По сути это был первый историко-литературный сборник в Сибири, основу содержания которого

составили статьи, посвященные местным поэтам, уже большей частью опубликованные Чужаком ранее в различных периодических изданиях. Они перечислены в содержании, данном на обложке сборника: «Сибирские мотивы в поэзии (И. В. Федоров-Омулевский)»; «Под небом Якутского края (П. Л. Драверт)»; «Отзвуки прошлого (Ф. Ф. Филимонов)»; «Человек страшной жизни (И. И. Тачалов)»; «Потушенные огни (Степан Байкалов)»; «Поэзия милой интимности (Г. А. Вяткин)»; «К жизни (Н. Л. Янчевский)».

Необходимо помнить, что сборник Н. Чужака посвящен известному писателю-сибиряку И. В. Федорову (1836–1883), выступавшему в литературе под псевдонимом Омулевский, портрет которого помещен на обороте титульного листа. Перед текстом каждой из статей дана краткая справка о поэте, выполняющая функцию аннотации. К первой статье, посвященной творчеству Омулевского, критик, помимо необходимой биографической справки, сделал важное уточнение: «Собственно, главная часть творчества Омулевского принадлежит метрополии»¹², задачи и интересы которой почти целиком поглотили раннего выходца Сибири вдали от родной окраины, но есть в поэзии Омулевского и нечто такое, что резко выдвигает его из ряда второстепенных, если не третьестепенных поэтов метрополии <...>. Это – сибирские мотивы в его поэзии <...>. Они-то и делают его по положению первым поэтом Сибири»¹³.

В этом плане очевидна внутренняя полемика Н. Чужака с областнической доктриной Г. Н. Потанина, который в своей этапной статье 1875 г. «Роман и рассказ в Сибири» считал, что сибирской литературой может быть названа только литература, созданная сибиряком по происхождению. Не случайно среди ряда перечисленных писателей он выделяет исключительно творчество коренного сибиряка Н. И. Наумова, обнаруживая свою осмысленную и сознательно демонстрируемую региональную идентичность.

Н. Чужак, напротив, соотносит творческий метод Федорова-Омулевского с некрасовской школой и отмечая черты формирующейся реалистической гражданской поэзии в Сибири, выдвигает принципиальный тезис о том, что многое, что есть в сибирской литературе, создано не столько сибиряками, сколько «чужестранцами», приводя убедительные примеры В. Г. Короленко, В. Г. Тана-Богораза, В. Л. Серошевского, не противопоставляя, а соотнося региональную словесность с литературой центральной России.

⁸ Чужак Н. Ф. К эстетике марксизма. Иркутск: Коммерч. электро-тип., 1916. С. 13.

⁹ Там же. С. 22, 26.

¹⁰ Чужак Н. К диалектике искусства. От реализма до искусства, как одной из производственных форм: теорет.-полем. статьи. Чита: Изд. Дальпечати, 1921. С. 35.

¹¹ Чужак Н. Ф. Сибирские поэты и их творчество. Изд. 2-е. Иркутск: Ирисы, [1915?]. 64 с.

¹² Критик называл метрополией столицу. Для него литература метрополии – литература культурных столиц; в начале XX в. такое словоупотребление было возможно..

¹³ Чужак Н. Ф. Сибирские поэты... С. 3.

Но сама поэзия сибиряков, по мнению критика, «... какая-то безлика: в ней можно встретить все, что угодно – и ортодоксальный реализм, и плохо переваренное декадентство, нет только главного: сибирского лица – сибирской природы, красок, быта, настроений, мотивов, словом – души сибирской. А без этого поэзия – *tabula rasa*»¹⁴. Это убеждение рождается у Чужака на фоне внутренней полемики с концепцией другого лидера сибирского областничества – Н. М. Ядринцева, высказанной им в статье 1885 г. «Судьба сибирской поэзии и старинные поэты Сибири». Н. Чужак считает необходимым пересмотреть устойчивый тезис Ядринцева о том, что возникновение так называемой *сибирской поэзии* невозможно, предлагая пересмотреть и саму суть термина. Тем более ценным ему видится вклад Федорова-Омулевского в местную литературу, так как его творчество отвечает тем законам художества, которые критик уже сформулировал в работе «Эстетика марксизма»: «Прекрасно в Федорове-Омулевском то, что продиктовано горячим чувством и на чем печать гармонии меж замыслом и воплощением, меж содержанием и формой, меж душой и внешним ее обликом»¹⁵. Итогом рассуждений Н. Чужака становится мысль о том, что сибирская литература на тот момент несла все признаки культурного пауперизма. Отсюда и тяготение сибирской творческой молодежи к культуре центральной России.

Для критика принципиальна эта подвижность границ, разбиение художественного мира писателя на *свое* и *чужое*. Поэтому настойчиво проводя мысль о том, что творчество Федорова-Омулевского, зародившись в европейской России, органично проросло в сибирскую словесность, Чужак акцентирует эту особенность и по отношению к другим сибирским поэтам, анализ творчества которых составляет содержание его сборника. В статье «Под небом Якутского края» он уточняет в предваряющей аннотации, что «по имеющимся у нас сведениям, Драверт¹⁶ к коренным сибирякам не принадлежал. Студент Казанского университета, он был сослан в административном порядке после 1905 г. в Якутскую область, где и выпустил свой первый сборник стихов»¹⁷.

Про Ф. Ф. Филимонова¹⁸ в статье «Отзвуки прошлого» Чужак пишет, что это «старейший из ныне

здравствующих сибирских поэтов»¹⁹, но переживший мощное влияние школы Некрасова – Омулевского. И. И. Тачалов²⁰ был сибирским поэтом, печатавшимся в Барнауле, но уже в феврале 1911 г. в столичном журнале «Современный мир» появилась известная статья Максима Горького, озаглавленная «О писателях-самоучках», в которой приводился отрывок из автобиографии Ив. Тачалова, доставленный Горькому самим поэтом. Степан Байкалов²¹ «родился в 1886 г. в Енисейской губернии. Писать начал около 10-ти лет назад в Красноярске, затем в Иркутске»²². Из всех сибирских поэтов, по убеждению критика, Г. А. Вяткин²³ «является наиболее признанным и, несомненно, наиболее литературным», но в то же время Чужаком отмечалось отсутствие в его поэзии «сибирского или северного колорита»²⁴. Н. Л. Янчевский²⁵ отнюдь не уроженец Сибири, но, по выражению критика, является «полуневольным туристом»²⁶, так как попал в Сибирь в 13 лет вместе с сосланной матерью. Для Н. Чужака это поэт, который «упорно не приемлет Сибири», но «целиком находится в плену у странной мечты, уносящей его в покинутый Париж», чем и объясняется особый «бодлеризм поэта»²⁷. Сразу после публикации сборника в газете «Алтайское дело» за 10 января 1916 г. появилась рецензия М. Забиранника²⁸, в которой отмечались несомненные достоинства и актуальность издательского проекта Чужака: «За последние 10–15 лет в Сибири создались довольно обширные кадры писателей, в частности поэтов <...>. В сибирских условиях при отсутствии журналов, достаточного количества газет и т. п. изданий – это уже немало. Но все они, в силу тех же сибирских условий, распылены и не общеизвестны. Вот почему нам еще совершенно неизвестно лицо поэтической Сибири, вот почему мы не знаем – чем же бедна или богата поэтическая сокровищница Сибири. По видимому, этой потребности стремится ответить издательство “Ирисы”, выпустившее небольшой, в 64 страницы, сборник Н. Ф. Чужака, посвященный

¹⁹ Чужак Н. Ф. Сибирские поэты... С. 30.

²⁰ Тачалов Иван Иванович (1879–1929) – поэт и прозаик, самоучка, участник «Второго литературного сборника сибиряков» (1908), сотрудник издательства М. Стожа «Ирисы».

²¹ Байкалов Степан (псевд. – П. З. Озерных) (1886–1919) – журналист, поэт, писатель, в 1916 г. редактировал газету «Сибирская мысль», участник изданий М. Стожа.

²² Чужак Н. Ф. Сибирские поэты... С. 49.

²³ Вяткин Георгий Андреевич (1885–1938) – прозаик, поэт, драматург, публицист, литератор, переводчик.

²⁴ Чужак Н. Ф. Сибирские поэты... С. 54.

²⁵ Янчевский Николай Леонидович (псевд. – Ник. Леонидович) (1892–1937) – поэт и беллетрист, участник иркутского сборника М. Стожа «Как воспет Байкал» (1916).

²⁶ Чужак Н. Ф. Сибирские поэты... С. 59.

²⁷ Там же. С. 61.

²⁸ Его подробной биографии нет, но известно, что это сосланный в Сибирь из Харькова эсер, Матвей Прокопьевич Забиранник, который печатался под настоящим именем и под псевдонимом М. Изюмский, сотрудничал с «Алтайским делом», в дальнейшем был редактором газеты независимых социалистов-федералистов «Свободная Сибирь» в Новониколаевске.

¹⁴ Чужак Н. Ф. Сибирские поэты... С. 4.

¹⁵ Там же. С. 7.

¹⁶ Драверт Петр Людовикович (1879–1945) – ученый, краевед, поэт, писатель, сотрудник газет «Восточное обозрение» и «Сибирская жизнь», участник «Первого литературного сборника в Якутске» (1908), выступал в литературе под псевдонимом Биотур.

¹⁷ Чужак Н. Ф. Сибирские поэты... С. 19.

¹⁸ Филимонов Федор Федорович (псевд. – Гейне из Ирбита, Два Аякса, Г. Иванов, Бес, Дедушка Фаддей) (1862–1920) – поэт, журналист, сотрудник сибирских газет, автор стихотворных сборников, участник иркутского сборника М. Стожа «Как воспет Байкал» (1916).

характеристике творчества сибирских поэтов»²⁹. Уточняя суть «потребности» издательства «Ирисы», критик, несомненно, имел в виду супругов Михаила и Динну Стож и их активную деятельность, которая позволяла издательству оставаться в ряду самых успешных коммерческих предприятий Иркутска и носила во многом просветительский характер, так как в результате стали появляться книги сибирской проблематики и пропагандироваться имена местных писателей, многие из которых были забыты.

Тем не менее, отмечая своеобразие мировоззренческой позиции критика, пропущенной через призму марксистской эстетики, Забиранник уточнял, что «Чужак является сторонником того взгляда, что понятие о красоте есть вещь относительная. Прекрасно то, что “заражает”, вызывает соответствующую эмоцию, что говорит не уму, так сердцу». Поэтому «автор, прежде всего, констатирует отсутствие или слабость у сибирских поэтов (после Омулевского) подлинного творчества, серьезного искания своего собственного коллективного “я”, своих собственных, не взятых напрокат у метрополии, а выношенных в собственной душе художественных образов. И с этим нельзя не согласиться»³⁰. По сути в этом рассуждении речь идет о слабо выраженной сибирской идентичности местных литераторов, что неоднократно отмечалось и столичной критикой.

Забиранник выражал несогласие с заключениями Чужака в отношении отдельных поэтов, утверждая, что последний нередко преувеличивает степень их дарования (приводя пример Янчевского) либо делает странные выпады, например, по отношению к поэту Тачалову, который, как известно, в свое время был лишен права въезда в Сибирь, поэтому занялся мелочной торговлей вблизи Самары. И обличение Тачалова, который теперь «больше заботится о шинкованной капусте, о хлебопекарне и т. п.», приводит рецензента к следующему полемическому выводу: «Не ошибается ли Н. Ф. Чужак в данном случае, полагая, что эта жизнь поэта имеет “кровную связь с творчеством”, не преждевременно ли усматривать тут гибель всех проблесков таланта?»³¹.

Но то, что Забиранник посчитал недостатком в сборнике Чужака, как раз и стало, на наш взгляд, его достоинством. Выявляя особенности мирозерцания сибиряков в целом, он достаточно точно усмотрел его отражение в творчестве сибирских поэтов, акцентируя определенный *примитивизм* и *контурность* их мировосприятия, в то же время посчитав необходимым вписать их деятельность в общероссийскую словесность, тем самым преодолевая жесткую оппозицию «свое – чужое» и формируя ситуацию диалога. В итоге этот сборник имел большой резонанс как в критике, так и читательской

среде, став одним из первых хрестоматийных источников по изучению сибирской поэзии.

Его закономерным отголоском явился сборник-альманах «Иркутские вечера», изданный в 1916 г. группой поэтов в Иркутске, инициатором и редактором которого был Константин Журавский³². Чужак не принимал в нем непосредственного участия, но был организатором этой поэтической группы, полностью разделяя их эстетические и идеологические взгляды. Тем не менее, по уточнению В. П. Трушкина, сборник вызвал резкую критику в печати [13, с. 282]. Произошло это не только по причине недостаточной эстетической значимости опубликованных стихов, но и потому, что деятельность поэтов «Иркутских вечеров» была направлена против традиционного сибирского областничества и провинциальной ограниченности местной литературной продукции. Теперь в их творчестве уже звучали общероссийские мотивы, вызвавшие нападки со стороны сибирских областников. Столичная же критика их приветствовала.

Интересным с этой точки зрения оказался отзыв Федора Сологуба, который выступал в Иркутске в октябре 1916 г. с лекцией «Россия в мечтах и ожиданиях» в помещении Первого общественного собрания. Возвращаясь из поездки, он пишет с дороги жене следующее: «... познакомился с Чужаком. Молодой человек довольно жизнерадостного вида, по манерам нечто вроде смеси Минского и Луначарского. Заведует какою-то маленькою типографией. В сибирских газетах не участвует. Принят в “Летопись”, но в Горьком разочарован: посылал ему критическую статью о Горьком без похвал и не получил даже ответа»³³. Под руководством Чужака образовался кружок поэтов, выпустили сборник “Иркутские вечера”, издают журнал “Багульник”. Не очень талантливые, но милые молодые люди, все не сибиряки, один, В. Пруссак, ссыльный витмеровец»³⁴.

³² Иркутские вечера. Стихи. Альманах первый. Иркутск : Изд. группы поэтов, 1916. 84 с.

³³ Сологуб Федор Кузьмич. Письма к Анастасии Чеботаревской. Письмо 70 : сайт. URL: http://az.lib.ru/s/sologub_f/text_1916_pisma_k_chebotarevskoy.shtml. (дата обращения: 25.07.2024). Имеется печатное издание: Неизданный Федор Сологуб / под ред. М. М. Павловой, А. В. Лаврова. Москва : Новое лит. обозрение, 1997. 575 с.

³⁴ Понятие «витмеровец» связано с именем Ольги Константиновны Витмер (урожд. Григорьевой) (1869–1942), владелицы гимназии в Петербурге, где завелась «крамола». «Витмеровское дело» началось после того, как ее старший сын, Леонид, увлекся революцией. В отсутствие Ольги Константиновны он предоставил помещение гимназии для проведения собрания межуниверситетской организации. При обыске полицией были обнаружены листовки, призывавшие к свержению царя, после чего Леонид Витмер и еще несколько гимназистов, в том числе В. Пруссак, были арестованы. Через несколько дней их отпустили, но они были исключены из гимназии с «волчьим билетом», то есть без права поступления в какое-либо учебное заведение России // Общество друзей школы Карла Мая : сайт. URL: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=586 (дата обращения: 25.07.2024).

²⁹ Забиранник М. Н. Ф. Чужак. Сибирские поэты и их творчество // Алтайское дело. 1916. 10 янв. (№ 7). С. 3.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 4.

Послереволюционная критическая деятельность Н. Чужака в аспекте эстетики футуризма

Ко времени революции Н. Чужак уже был очень известным в литературных и политических кругах критиком, публицистом и политическим деятелем, который при новой власти с энтузиазмом погрузился, помимо издательской и критической, в управленческую организационно-редакторскую деятельность. Вместе с группой поэтов-футуристов, прибывших из центральной России во Владивосток, он создает литературно-художественную группу «Творчество», занимающуюся поисками новых форм искусства.

В этот период вместе со своими соратниками, поэтами-футуристами С. Алымовым, Н. Асеевым, Д. Бурлюком, П. Незнамовым, С. Третьяковым и художником-авангардистом В. Пальмовым, Н. Чужак создает журнал «Творчество», где печатает (нередко под псевдонимом Дилетант) ряд принципиальных статей, связанных с идеями формирования новой пролетарской культуры³⁵. Критик не раз сам акцентировал, что в этот период «Творчество» было единственным на всем Дальнем Востоке (от Байкала до Тихого океана) культурно-общественным журналом.

Перелом в культурной жизни Владивостока произошел в апреле 1920 г., когда в него вступили японские войска, в связи с чем центр литературной жизни сместился в Читу, ставшую, вплоть до 1922 г., столицей относительно свободной Дальневосточной республики, являвшейся буферным государством между Советской Россией и Японией. На этот период приходится и расцвет издательского дела, так как появилась масса организаций и учреждений, заинтересованных в выпуске печатной продукции. Переехав в 1921 г. со всей редакцией в Читу, Чужак заведовал отделом печати Дальбюро Центрального комитета Российской коммунистической партии (большевиков) и редактировал газеты «Дальневосточный путь», «Дальневосточная правда» и «Дальневосточный телеграф».

Основные положения и декларации концептуальной платформы Чужака этого периода, убежденного критика-марксиста и последовательного проповедника футуризма, для которого признание последнего искусством пролетариата напрямую соотносилось с основным положением марксизма о его решающей роли в современном искусстве, были изложены в сборнике теоретико-полемических статей «К диалектике искусства. От реализма до искусства, как одной

из производственных форм», куда вошли и его работы, напечатанные ранее – «К эстетике марксизма», «Эстетизм и эстетика». Главное завоевание футуризма критик видит в том, что он, «зародившись в рамках буржуазного строения искусства, завершил свое развитие не школьным “самоизжитием”, как это было с иными течениями в нашем искусстве последних десятилетий, а прямым, в соответствии с открывшейся новой эрой бытия, прорастанием в коммунистическое, новое сознание человека»³⁶. Эстетика футуризма для Чужака при таком мировосприятии становится практически адекватной диалектически-марксистскому методу³⁷. Таким образом, критик, формируя идею *искусства будущего*, практически создает и собственную концепцию футуризма на Дальнем Востоке. В итоге он становится его идеологом и проповедником, так как речь идет о закономерном прорастании основных авангардных деклараций футуризма в основополагающие идеи коммунизма.

По-настоящему этапным в этот период станет читинский сборник Чужака 1922 г. «Сибирский мотив в поэзии (От Бальдауфа до наших дней)»³⁸. Историко-литературные и критические статьи в нем перемежались со стихами поэтов группы «Творчество» – Давида Бурлюка и Сергея Третьякова, а также статьей Николая Асеева «Сибирская басня». Принципиально, что все тексты этих авторов, прибывших из центра страны, тоже были посвящены проблемам далекого края, попытке понимания специфики региональной словесности и закономерного налаживания диалога между сибирской литературой и литературой центральной России.

Но по сравнению с иркутским сборником 1915 г. «Сибирские поэты и их творчество» важным теперь видится решение критика собрать написанные им ранее материалы вместе, объединив определенной концепцией, уже во многом связанной с эстетикой футуризма. Поэтому оценивая состояние сибирской поэзии, Чужак еще больше, чем раньше, отмечает ее *бедность, безликость, банальность и подражательность*. По его словам, она бессильна претворить не только свое, «сибирское», но и «вторую родину – метрополию». Причину же автор видит «в той довольно-таки неопределенной, в общем, стадии развития, которую переживает Сибирь. От одного, какого-то патриархального, берега Сибирь отстала,

³⁶ Чужак Н. К диалектике искусства. От реализма до искусства, как одной из производственных форм : теорет.-полем. статьи. Чита : Изд. Дальпечати, 1921. С. 7.

³⁷ К этому периоду относится еще ряд принципиальных статей критика: Чужак Н. Ф. На большие темы: письма о быте, о культуре и чванстве. Чита, 1922. 45 с. ; Чужак Н. Через головы критиков. Перед опасностью разложения // Наш путь : орган Дальбюро ЦК РКП. 1922. № 2. С. 77–108.

³⁸ Чужак Н. Сибирский мотив в поэзии (от Бальдауфа до наших дней). Чита : Тип. Объедин. союза забайкал. кооперативов, 1922. 103 с.

³⁵ См.: Чужак Н. Ф. Какое же искусство ближе пролетариату? // Творчество : журн. коммунист. культуры. 1920. № 1 ; Чужак Н. Ф. Пролетарская культура // Там же. 1920. № 6 ; Чужак Н. Ф. (Дилетант). Осознание через искусство // Там же. 1920. № 6.

а к другому, связанному с городским укладом, пристать не успела»³⁹. При такой постановке проблемы Чужак рассматривает того же Федорова-Омулевского как явного представителя Сибири, *культурного посредника*, и прежде всего потому, что он принял участие в местной литературной жизни, отразив свои сибирские впечатления в творчестве.

В 1923 г. в 1-й типографии Иркутска вышла статья известного искусствоведа и участника Иркутского литературно-художественного общества Д. А. Болдырева-Казарина «Sibirica в искусстве», явившаяся по сути рецензией-полемикой на сборник Н. Ф. Чужака. Автор статьи, отдавая должное искреннему и горячему стремлению критика постичь суть концепта *sibirica*, доказывает, что тот не может добиться полной ясности в этом вопросе именно в силу «ультрамарксистского подхода к вопросу»⁴⁰, при котором сужается возможность глубоко и органично постигнуть специфику местного колорита, а значит, и особенности сибирской литературы в целом.

В 1922 г. Дальневосточная республика была ликвидирована, и Чужак вместе с большинством близких ему литераторов уезжает в Москву. Его участие в создании группы «Левого фронта искусства» (ЛЕФ), лидером которой был В. В. Маяковский и которую он считал единственным настоящим представителем революционного искусства, достаточно быстро закончилось. Критик не принял крайне авангардистских деклараций и модернистской эстетики лефовцев, продолжая бороться за «литературу факта». После того как ЛЕФ распался в конце 1920-х гг., Чужак стал работать в редакционной коллегии журнала «Каторга и ссылка», а также в Главном управлении по делам литературы (Главлит), до конца жизни оставаясь в статусе критика, редактора и издателя.

Заключение

Таким образом, системно проанализировав материалы, связанные с отражением сибирской словесности в критике Н. Чужака (Н. Ф. Насимовича) на разных этапах развития, можно сделать вывод о том, что его взгляды формировались постепенно и закономерно. В ранний период своего пребывания в Сибири критик больше уделял внимание общероссийской литературе первого ряда – реалистической и модернистской, но с точки зрения формирующейся доктрины марксизма. Важно, что его статьи не просто выражали концептуальное кредо автора и видение им современной литературы, но во многом были оппозиционны по отношению к местной критике.

В зрелый период творчества публикуются важные работы Н. Чужака, связанные с марксистской эстетикой, основные положения которых отразятся в его главном обобщающем сборнике «Сибирские поэты и их творчество» 1915 г. Здесь уже взгляд автора, «чужака-пришельца», сменился на позицию «культурного посредника». Преодолевая жесткие границы восприятия сибирской литературы человеком европейского сознания, критик в то же время вступает в глубокую внутреннюю полемику по поводу того, какого писателя можно называть «сибирским» и что главным образом должно быть отражено в местной литературе, чтобы можно было говорить о ее региональной идентичности.

В послереволюционный период творчества, когда Чужак, яркий критик-марксист, увидел закономерное продолжение своей теории в основных положениях футуризма, этапным становится его читинский сборник 1922 г. «Сибирский мотив в поэзии (От Бальдауфа до наших дней)». Общая концепция сборника вызвала полемику уже внутри современной ему сибирской критики. Д. А. Болдырев-Казарин усмотрел излишне ультрамарксистский подход автора к материалу. М. К. Азадовский в статье 1923 г. «Из литературы об областном искусстве»⁴¹ не согласился со смешиванием у Чужака понятий «мотив» и «местный колорит» и того, что отсчет начала истории сибирской литературы он ведет исключительно от Бальдауфа, в то время как она начала развиваться гораздо раньше, еще в 1820–1830-е гг., например, у группы составителей «Енисейского альманаха» и в творчестве П. П. Ершова.

Так или иначе, новаторство в формировании так называемого сибирского текста у критика видится в том, что он, по сути, впервые проанализировал его с точки зрения эстетики марксизма и в то же время методологически последовательно рассмотрел как феномен поэтики. В этом видится главная заслуга Чужака, тексты и концепция которого не потеряли своей актуальности для изучения типологических особенностей литературной критики и в наше время. Актуальность и своевременность подобного изучения связаны и с явной интенсификацией современных исследований по сибирской литературе, а также процесса становления регионального самосознания в до- и послереволюционной Сибири.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов, требующих раскрытия в этой статье.

³⁹ Чужак Н. Сибирский мотив в поэзии... С. 6.

⁴⁰ Болдырев-Казарин Д. А. *Sibirica* в искусстве. Иркутск: 1-я Гос. тип., 1923. С. 12.

⁴¹ Азадовский М. К. Из литературы об областном искусстве // Сибирские страницы: ст., рец., письма. Иркутск, 1988. С. 273–282.

Список литературы

1. Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.
2. Трушкин В., Щербakov Н. Н. Ф. Насимович-Чужак (1876–1937) // Литературная Сибирь: писатели Восточной Сибири : биобиблиогр. справ. Иркутск, 1971. С. 62–65.
3. Литературная Сибирь : критико-биобиблиогр. слов. писателей Вост. Сибири. Ч. 1 / сост. В. П. Трушкин, В. Г. Волкова. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1986. 302 с.
4. Кириллова Е. О. Русская футуристическая поэзия на Дальнем Востоке 1917–1922 гг.: идейно-художественные искания, поэтические имена : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2007. 24 с.
5. Кириллова Е. О. Дальневосточная гавань русского футуризма. Владивосток : Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2011. 632 с.
6. Макарова Е. А. Футуристический сборник Дальнего Востока (художественно-стилевой и издательский аспект) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 35. С. 72–86. DOI: <http://doi.org/10.17223/22220836/35/7>
7. Вахненко Е. Е. Литературная личность А. М. Ремизова в сибирской периодической печати 1910-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 82. С. 254–270. DOI: <http://doi.org/10.17223/19986645/82/11>
8. Макарова Е. А. Литературно-художественные сборники Сибири конца XVIII – первой трети XX в. в аспекте формирования регионального книгоиздания. Томск : Изд. дом Том. гос. ун-та, 2020. 236 с.
9. Макарова Е. А. Сюжет «sibirica» в литературной и художественной трансформации (к истории одной полемики) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2022. № 47. С. 83–95. DOI: <http://doi.org/10.17223/22220836/47/7>
10. Михайлова М. В. Марксисты без будущего: марксизм и русская литературная критика (1890–1910-е гг.). Москва : Common place, 2017. 662 с.
11. Казаркин А. П. Русская литературная критика XX века. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. 350 с.
12. Щербakov Н. Н. Влияние ссыльных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири (1907–1917). Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1984. 244 с.
13. Трушкин В. П. Пути и судьбы: литературная жизнь Сибири 1900–1917 гг. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1972. 438 с.

References

1. Tyupa VI (2002) Mythologeme of Siberia: on the issue of the “Siberian text” of Russian literature. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* 1: 27–35. (In Russ.).
2. Trushkin V and Shcherbakov N (1971) N. F. Nasimovich-Chuzhak (1876–1937). *Literaturnaya Sibir: pisateli Vostochnoi Sibiri: biobibliogr. sprav.* Irkutsk, pp. 62–65. (In Russ.).
3. Trushkin VP and Volkova VG (comps) (1986) Literary Siberia: crit. and bibliogr. dict. of writers of East Siberia. Pt. 1. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo. (In Russ.).
4. Kirillova EO (2007) Russian Futurist poetry in the Far East in 1917–1922: ideological and artistic searches, poetic names: Cand. philol. sci. diss. abstr. Vladivostok. (In Russ.).
5. Kirillova EO (2011) The Far Eastern harbor of Russian Futurism. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. feder. un-ta. (In Russ.).
6. Makarova EA (2019) The Far East Futurist collection (artistic, stylistic and publishing aspects). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie* 35: 72–86. DOI: <https://doi.org/10.17223/22220836/35/7> (In Russ.).
7. Vakhnenko EE (2023) The literary personality of Alexei Remizov in the Siberian periodical press of the 1910s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* 82: 254–270. DOI: <https://doi.org/10.17223/19986645/82/11> (In Russ.).
8. Makarova EA (2020) Siberian literary collections in the late 18th – the first third of the 20th century in the aspect of the formation of regional book publishing. Tomsk: Izd. dom Tom. gos. un-ta. (In Russ.).
9. Makarova EA (2022) The “Sibirica” plot in literary and artistic transformation (on the history of one controversy). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie* 47: 83–95. DOI: <https://doi.org/10.17223/22220836/47/7> (In Russ.).
10. Mikhailova MV (2017) Marxists without a future. Marxism and Russian literary criticism (1890s–1910s). Moscow: Common place. (In Russ.).
11. Kazarkin AP (2004) Russian literary criticism of the 20th century. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. (In Russ.).
12. Shcherbakov NN (1984) The influence of exiled proletarian revolutionaries on the cultural life of Siberia (1907–1917). Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta. (In Russ.).
13. Trushkin VP (1972) Paths and destinies: literary life of Siberia in 1900–1917. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию / Received 03.09.2024
 Получена после доработки / Revised 30.09.2024
 Принята для публикации / Accepted 10.12.2024